

Даниэль
ПЕННАК

• ХРИСТИАНЕ И МАВРЫ
• ПЛОДЫ СТРАСТИ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П25

Daniel Pennac

DES CHRÉTIENS ET DES MAURES

Перевела с французского *Нина Калягина*

AUX FRUITS DE LA PASSION

Перевела с французского *Серафима Васильева*

Дизайнер обложки *Александр Андрейчук*

Художник *Валерия Камелькова*

Пеннак Д.

П25 Христиане и мавры; Плоды страсти : [повести] / Даниэль Пеннак; [пер. с франц. Н. Калягиной и С. Васильевой] — СПб.: Аркадия, 2018. — 352 с. — (Серия «Французский детектив»).

ISBN 978-5-906986-43-6

Все дети племени Малоссенов — плоды искренней и горячей любви. Правда, возвращают их не родные отцы, а глава семейства и профессиональный «козел отпущения» Бенжамен. А заодно ему приходится распутывать криминальные истории пропажи папаш: одну другой страшнее!

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

© Éditions Gallimard, Paris, 1996

© Éditions Gallimard, Paris, 1999

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-43-6

ХРИСТИАНЕ И МАВРЫ

I. Бартлибизм

— Я хочу моего папу.

Малыш влетел к нам в спальню, встал в ногах кровати и заявил:

— Я хочу моего папу.

Летнее утро. Конец июня. Половина седьмого или без четверти, где-то так. Во всяком случае, еще не было семи. Бельвиль¹ только начал просыпаться, еще не было слышно бодрящего грохота мусорных бачков, Господин Малоссен, свежеродившийся младенец племени, еще сопел себе в две дырочки в своей люльке, подвешенной над родительской кроватью, и Джулиус Превосходный пока еще не стучал в нетерпении хвостом по полу, напоминая тем самым о размерах своего мочевого пузыря. В общем, семь еще не пробило.

— Я хочу моего папу.

Я постарался продрать глаза и наконец в полумраке разглядел Малыша. Ростом он был не выше дверной ручки, но мне пришлось признать, что, сколько бы там ему ни было лет, он все-таки вырос, незаметно для окружающих. Сударь только что открыл для себя юмор и решил поставить меня в известность. Сударь изволил пошутить. Он указал

¹ Парижский квартал Бельвиль (20-й округ), расположенный на одноименном холме, с 1920-х гг. стал пристанищем для множества иммигрантов. Квартал в шутку называют «Вавилонвилем».

на новоприбывшего в люльке у меня над головой и с хитрым видом уточнил:

— Я тоже хочу моего папу.

(Большой мальчик захотел поиграть в дурачка, что ж, ладно.)

Я ответил:

— Ладно, будет тебе твой папа, а пока спускайся накрывать на стол, я иду.

И остался лежать в постели. Посмаковать последние минуты покоя перед тем, как раздадутся первые аккорды семейного ора, — это единственное удовольствие, в котором я никогда себе не отказывал.

Когда я спустился, внизу уже ждал накрытый стол, горячий шоколад, тосты, апельсиновый сок, поля просыпанных на скатерть мюслей — словом, понеслось, фабрика работала вовсю. Всех ожидал долгий день. Через пару минут Клара поведет Верден, Это-Ангела и Господина Малоссена в ясли на улицу де Буа, где она подыскала себе работу, Жереми и Малыш побегут в школу, а Тереза, убрав со стола, отправится давать астрологические консультации вислоухим бельвильцам. (Мальро был прав: двадцать первый век станет весьма духовным; безработица этому весьма способствует.) Через пару минут наша лавочка опустеет. Я спокойно смотрел, как поднимается пена в моей турке,

и с легким нетерпением ожидал того благословенного момента, когда наконец останусь один, как вдруг голос Терезы словно током пронзил меня.

— Ты что не пьешь свой шоколад, Малыш? Так ведь и опоздать недолго!

Малыш сидел прямо, неподвижно, в душистом облаке остывающего в его чашке шоколада. К то-стам он даже не притронулся.

— Я хочу моего папу.

Пропустим этот день. Оставим за кадром часы работы, когда все мы занимались делами, в том числе и я, в издательстве «Тальон» — заключив в скобки забвения семейные неурядицы: мы же профессионалы! — до самого вечера, когда за ужином перед нами вновь каменным изваянием предстал Малыш, застывший над тарелкой супа.

— Я хочу моего папу!

— Он и в столовке ничего не ел, — объявил Жереми.

Новость вызвала целый ряд комментариев, где каждый добросовестно озвучил свою партию. Тереза поспешила высказать то, в чем она, как всегда, уже давно была уверена, полагая «совершенно естественным», что после рождения Господина Малоссена у Малыша появился «синдром

брошенности» и он стал искать «идентификационной зацепки», отчего и воспоследовал этот «совершенно законный» запрос «собственного биологического отца».

— Глупости, — отрезал Жереми. — Биологический отец, не смешите меня!

Так прозвучал первый аргумент пламенной тирады, в которой Жереми (правильно ли я его понял?) вознамерился открыть всем, что отец — это просто гипотеза, без которой можно спокойно обойтись! Поскольку если уж мама приняла решение устранять наших производителей в самую минуту появления на свет каждого из нас, она так поступала, прекрасно сознавая, что делает. «У нее, у нашей мамы, были на то свои причины», которые не могли быть иначе как положительными, принимая во внимание, что у нашей мамы «не само так вышло», она «отлично знала, на что идет, это же мама!».

— Скажешь, мама не знает, что делает? Так, Тереза? Так? Так? Ну же, скажи, так, по-твоему? Мама не знает, что делает?

Воцарилась оглушающая тишина, в недрах которой я расслышал голос Клары, шепчущей на ухо Малышу:

— Но это же Бенжамен, наш папа. Бенжамен и еще Амар. И Тео тоже. Ну же, давай, кушай свой суп, Малыш.

— Я предпочел бы моего папу, — ответил Малыш, не притрагиваясь к тарелке.

Это условное наклонение преследовало меня всю ночь.

Я предпочел бы.

Да, Малыш так и сказал: «Я предпочел бы моего папу».

Я и не знал, что от простого наклонения глагола может застыть кровь в жилах. Оказалось, может. По какой-то необъяснимой для меня причине это условное наклонение загнало мой ночной покой в склеп страха. (Жалкая метафора, знаю, но я был не в состоянии найти ничего более сносного.) У меня даже не нашлось сил перевернуться на другой бок. И Жюли я открыться не мог — она была далеко-далеко, за сотни верст от нашей лавки. Моя Жюли отправилась в очередной крестовый поход за правдой сразу же после рождения Господина Малоссена. Да-да, едва успев насладиться радостью материнства, она вбила себе в голову собрать под знамя своей львиной гривы всех журналистов, выкинутых на улицу начиная с января этого года вследствие опустошающего марша либерального реализма, который планомерно уничтожал людские ресурсы французской прессы. Жюли замыслила не больше и не меньше как создание газеты, свободной от рекламы, иерархии, спичей информационных агентств и «прочих предрассудков».

(Именно так!) «На это, конечно, понадобится некоторое время, Бенжамен, но не беспокойся, я вернусь. Не забывай, что ты мой любимый авианосец, моя родная посадочная площадка; баюкай нашего Господина Малоссена и смотри, не пропускай время кормления». Жюли осталась какой и была, а я остался один на один с условным наклоением.

Малыш настойчиво потчевал меня этим блюдом и на следующий день, опять не притрагиваясь к своим жареным хлебцам:

— Я предпочел бы моего папу.

Он начал второй день своего поста.

Не где-нибудь, а в издательстве «Тальон» постиг я причину своей аллергии на условное наклоение, да так внезапно, что чуть со стула не упал.

Я как раз пытался убедить одного автора внести кое-какие исправления в его рукопись, которая не вполне устраивала Королеву Забо, мою преподающую патронессу («Сущие пустыки, Малоссен, ему нужно только переделать начало, слегка подчистить весь текст — слишком много воды, — потом придумать другую концовку, придать полноты и женственности женским образам, а главное — переменить тон всего повествования, у него все слишком плоско, нам нужен оригинальный текст,

неповторимый авторский почерк, вот что! Я хочу слышать его голос!»), когда этот самый автор возьми да и ответь мне как нельзя более вежливо:

— Я предпочел бы ничего не менять.

Опять это условное наклонение! То же, что и у Малыша. Условное необсуждаемое. Иными словами, вежливая форма повелительного. Но повелительного категоричного. Этот фрукт не изменит ни единого слова в своей рукописи. Подыхать будет, а ни одной запятой не поступится. В ту же секунду до меня дошло, что Малыш не проглотит ни кусочка, пока я не найду его настоящего отца. Он просто-напросто умрет. От истощения. Я поднял голову. Автор сидел здесь, напротив, бесстрастный и умиротворенный. Два выражения пронеслись у меня в мозгу: «до жалости чинный», «безнадежно несчастный». И еще третье, для полноты картины: «аккуратный и бледный». Как покойник.

— Вам нехорошо?

Только представьте, это он задает мне этот вопрос! Я сделал над собой титаническое усилие, чтобы ему ответить:

— Нет, нет, ничего, все в порядке, послушайте, я понимаю... Очень жаль... Может быть, другой издатель... Извините, мне надо...

Чтение! Вот откуда у меня эта фобия условного наклонения. Из чего-то, что когда-то было мною